

**КАБИНЕТНЫЙ
ДЕТЕКТИВ**

**Читайте
кабинетные детективы
Анны Акимовой:**

- Змеиная верность
- Укол гордости
- Зависть кукушки
- Яд ревности
- Львиное сердце

Анна Акимова

Зависть
кукушки

Москва
2024

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А39

Редактор серии *А. Антонова*

Акимова, Анна.

А39   Зависть кукушки : роман / Анна Акимова. — Москва : Эксмо, 2024. — 320 с.

ISBN 978-5-04-198137-2

Скромная Гретель с обычной фамилией Савичева работает в Научной библиотеке и увлекается живописью. У нее есть друзья и любимый человек Сергей Ильин. Правда, семья у Сергея не сахар, всем заправляет авторитарная бабушка, Нина Владимировна. Впрочем, жизнь идет своим чередом, пока в аварии не погибает всеобщий любимец — брат Сережи, Володя...

Вскоре выясняется, что молодой человек погиб не случайно — в его машине были сломаны тормоза! Это открытие заставляет Гретель погрузиться в семейную историю любимого, пропитанную завистью, корыстью и подлостью...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Акимова А., 2024

© Оформление.

ISBN 978-5-04-198137-2

ООО «Издательство «Эксмо», 2024

Что-то с тормозами, успел подумать он. ...Он очнулся оттого, что в лицо ему брызгали водой. Сначала ему показалось, что это Ольга будит его в школу, но потом он вспомнил, что Ольги давно уже нет, и школу он давно окончил. Он открыл глаза, увидел разбитое лобовое стекло, струйки дождя, залетающие внутрь, и все вспомнил. Вспомнил гонку по мокрому загородному шоссе, резкий вираж, попытку затормозить и страшный удар... Обо что он звезданулся, он так и не понял.

Он попытался шевельнуться, и страшная боль возникла в груди, подкатила под сердце, прервала дыхание. Плохо дело... Самому не выбраться. А где... тот, другой? Почему-то он никак не мог вспомнить его имени... Неужели тоже гробанулся?

Сколько времени он уже здесь? Когда его обнаружат? В это время здесь редко кто ездит... Лишь бы не загорелась машина...

Над ним вдруг склонилось знакомое лицо. Слава богу, тот, другой... Как же его зовут?

Тот, другой, внимательно смотрел на него. Он уже видел это лицо в таком ракурсе. Пер-

вый раз — в детстве. Они боролись, и тот, другой, победил и навис над ним. Детское торжествующее лицо, покрасневшееся, с блестящими ликующими глазами...

Если честно, он тогда нарочно поддался, пожалел того, другого. Уж больно тот хотел победить, лихорадочно, судорожно хотел. И он подумал тогда: ну пусть уж победит один разок!

Потом он пожалел об этом. Уж столько было ликования, столько восторга, шума... Вся школа знала — его победили, разгромили, размазали по стенке! Больше он никогда не позволял тому, другому, брать верх над собой.

Всю жизнь у них так: «спорим, я сильнее», «спорим, я умней», «спорим, я могу, а ты — нет». Уже не дети, уже даже не юнцы, обоим за тридцать, а все тягаются... И эта безумная гонка по мокрому загородному шоссе из той же оперы: «Давай, такой экстрим!.. Такой адреналин!.. Эх, слабо тебе!»

Зачем, ну зачем он повелся! Тормоза... Что-то случилось с тормозами...

Лицо того, другого, висело над ним. Уже не детское, не нежное, черты огрубели, расплылись, над бровью растет жировик, щеки в вечерней щетине обвисли, когда тот наклонился, и до него долетает чужое дыхание, возбужденное, неприятное...

— Что, Вовчик, живой? — Почему-то в голосе того, другого, не было ни испуга, ни сострадания, одна досада.

— Живой, — прохрипел он. — Помоги!..

Тот помолчал, будто что-то решая. Слышался только шум дождя да тяжелого дыхания.

— Ну жаль, — наконец сказал тот, другой. — Жаль, что ты такой живучий. Но мы это сейчас исправим.

Рука того, другого, резко взметнулась вверх. Он увидел зажатый в ней обрезок металлической трубы.

Время замедлилось, почти остановилось. Рука того, другого, бесконечно долго летела вниз, к его ничем не защищенному лицу. Он успел понять, что его убивают, но сделать ничего не мог, только недоумевал — за что, за что, за что? До того самого момента, когда страшный удар наконец не размозжил ему голову. И, уже падая в черную воронку безвременья, он последним проблеском сознания успел еще раз пожалеть, что тогда, в детстве, позволил тому, другому, победить себя...

— Сердце бьется о штаны! — воскликнула Верка Коваль.

Это была ее коронная фраза. Веркино сердце «билось о штаны» во всех волнительных случаях. В школе это бывало перед контрольной или когда должны были вызвать к доске, или когда мальчик приглашал на свидание. Но сегодня у Верки был более основательный повод для волнения — они с мужем ехали смотреть свой новый загородный дом.

Был конец рабочего дня. Мы с Веркой стояли перед большим старинным зеркалом в вести-

бюле Научной библиотеки. Я наматывала длинный шарф поверх поднятого капюшона куртки, Верка малевала пухлые губы ярко-вишневой блестящей помадой. Верка и сама, под стать помаде, была праздничная и яркая. Светлая коротенькая норковая шубка, такой же пушистый берет, из-под которого вились темные кудряшки, блестящие светло-карие глаза в густых ресницах и белоснежные зубы — все это сверкало, искрилось и походило на новогоднюю игрушку. От Верки не хотелось отводить глаз.

Верка замужем за очень состоятельным человеком Николаем Рюминым. Кстати, она давно уже Рюмина, Веркой Коваль я зову ее по старой школьной привычке. Николай владеет предприятием, которое производит томатопродукты — кетчупы, соусы, закусочные пасты. Дешевый полуфабрикат — томатную пасту — привозят из Китая, на Колином заводе ее разводят водой, добавляют соль, сахар, травы и специи, варят и разливают по баночкам и бутылочкам, наклеивают на них яркие этикетки и развозят по магазинам. Сырье дешевое, продукция ходовая, производственный процесс несложный, и Колин бизнес процветает. Поэтому Верку возит на работу личный водитель, ее хозяйство ведет экономка, а трехлетнего сына Ваську воспитывает бонна «с английским языком».

Два года назад Коля купил по случаю территорию бывшего пионерского лагеря с остатками строений. Купил просто потому, что продавали дешево, а свободные деньги были. Некото-

рое время он думал, что с этой покупкой делать дальше — перепродать или сдать в аренду, а потом решил строить там загородный дом. Место чудесное, рядом река, кедрач, к тому же все коммуникации сохранились.

— Чего ты волнуешься? — удивилась я. — Событие-то приятное. Поехать, полюбоваться да день новоселья назначить.

— Ай! Ты не понимаешь! Я с этим домом все нервы себе истрепала. Вот сейчас приедем — и снова что-нибудь да будет не так!

— Все равно это когда-нибудь закончится. Все построится, устроится, сделается по твоему вкусу! Так всегда бывает, успокойся.

— Да не могу я не психовать! Не выношу, когда что-то не по мне, ты ж меня знаешь!

Да, уж я Верку знаю. Мы знакомы с незапамятных времен, потому что жили по соседству, на одной лестничной площадке, а наши матери были подругами.

Нас с Веркой вместе катали в колясках, потом мы вместе ходили в детский сад, потом сидели за одной партой, учились в одном институте, а теперь вместе работаем в Научной библиотеке университета. Мы даже карьеры сделали одинаковые — начали с простых библиотекарей на выдаче книг и дослужились до руководителей отделов. Я заведую сектором естественных наук, а Верка командует залом периодики.

Раньше мы с Веркой были неразлейвода, а теперь постепенно отходим друг от друга, и вовсе не по Веркиной вине. По моей.

Как только Верка стала богатой замужней дамой, она почему-то вбила себе в голову, что обязана мне *помогать*. После нескольких ее попыток заплатить за меня в столовой и сделать мне дорогой подарок мы тяжело поссорились. Верка плакала и говорила, что у меня трудный характер. Я ощущала себя какой-то бабой-ягой, ведь я понимала, что Верка делает это от чистого сердца, что она просто хочет порадовать меня, но уступить Верке не могла. Во мне вдруг проснулась «пролетарская гордость», которая не дает мне пользоваться хляевой. Я отказываюсь, даже когда Верка хочет просто подвезти меня куда-нибудь на своей машине.

Я даже в гостях у Верки не люблю бывать. Из-за ее экономки. Каждый раз, как я прихожу к Верке, она окидывает меня таким презрительным взглядом, что у меня загораются уши. За что она меня презирает, я не знаю. За одежду и обувь, не такие дорогие, как у Верки, за отсутствие бриллиантов в ушах и на пальцах? Не знаю, но каждый раз, когда она подает нам с Веркой кофе, мне кажется, что она плюнула мне в чашку. Ну или... очень хотела.

Когда Верка, навещая мать и брата, забегает ко мне, мы, как в старые времена, сидим на моей кухне, пьем чай, треплемся и хохочем, как прежде. И тогда я чувствую, что наша дружба все-таки никуда не делась.

Но Верке пришлось смириться с моей «пролетарской гордостью». С тех пор она дарит мне только книги о живописи. Верка знает, как я люблю рисовать.

Я рисую всегда и везде, на всём и всем, что попадется под руку. В седьмом классе мама и отчим подарили мне этюдник и масляные краски, и я почти забросила учебу... Я рисую все – натюрморты, пейзажи, портреты. Лучше всего мне удаются портреты.

Я никогда и никого не заставляю позировать. Я просто смотрю на человека, наблюдаю, до тех пор пока не начинаю видеть его внутренним зрением, а потом просто переношу на холст или бумагу этот внутренний образ. Мои портреты очень популярны среди друзей и знакомых. Говорят, что мне удается уловить не только внешнее сходство, но и характер. А лучше всего мне почему-то удаются детские портреты. Их у меня множество, еще больше я раздавала или раздавала.

– Грека, – прервала мои мысли Верка, – на Новый год ничего не планируй. Отпразднуем на природе. Считай, что вы с Сережей приглашены!

Грека – это я. Так меня когда-то назвал Эдька, младший Веркин брат. Нам с Веркой тогда было по шесть лет, а Эдьке четыре. Ну не мог такой крошка правильно произнести мое сложное имя – Гретель.

Этим имечком меня наградила мама. В детстве она прочитала книгу «Серебряные коньки», и героиня этой книги – голландская девочка Гретель, которая сначала была бедна и несчастна, пасла гусей и терпела обиды, а потом победила в конькобежных состязаниях и выи-

грала серебряные коньки, — так полюбилась ей, что много позже, когда у нее появилась я, она назвала меня ее именем.

Я живу в этом имени, как в чужом, некомфортном доме, и каждый раз, представляясь, испытываю неловкость. Люди обычно переспрашивают: «Как, как?» и внимательно вглядываются в меня, наверное, ищут признаки западно-европейской крови, которой во мне нет ни капли. Как я жалею, что мама не полюбила героиню какой-нибудь русской сказки, и как я завидую всем Машам, Дашам и Наташам, поймет только тот, кого дразнили Грелкой, Телкой и даже Дрелью. А уж сколько раз я слышала в свой адрес стишок про Греку, которая «ехала через реку» и про рака, который «Греку цап!»...

Эдька этим прозвищем как будто печать на мне поставил — с тех пор так меня зовут все. Это прозвище шагнуло за мной в школу, потом в институт, потом на работу. Нет, конечно, в библиотеке у нас все строго, и в глаза меня все зовут Гретель Павловной, но краем уха я то и дело слышу, как мои подчиненные, девчонки-библиотекарши, меж собой именуют меня Грекой.

У Верки в сумке квакнул телефон.

— О, Колёна подъехал. — Верка сунула помаду в косметичку и закрыла сумку. — Грека, давай, мы тебя подбросим. Все равно по пути.

Но я отказалась.

— Хочу по магазинам пробежаться. Новый год на носу.

— Ну ладно, — вздохнула Верка. — Пошли.

Мы с Веркой, дружно навалясь, открыли тяжелую дверь и, держась друг за друга и за перила, сползли с библиотечного крыльца. Было очень скользко. Вчера шел дождь, а сегодня приморозило, и ходить стало почти невозможно. Верка на своих шпильках сразу потеряла равновесие и с визгом вцепилась в меня. Мне было легче, я ношу ботинки на толстой рифленой подошве.

— Колёна-а! — Верка замахала рукой, и со стороны Университетского проспекта к нам двинулась большая черная машина Коли Рюмина. Когда она приблизилась и остановилась, Коля вылез из-за руля, вышел из машины.

— Привет, Грека! — он отцепил от меня Верку и засунул ее в машину. — Давай, садись, подвезем тебя.

— Нет, Колечка, — отказалась я. — Спасибо, у меня еще здесь дела.

— Предлагала уж ей, — проворчала с переднего сиденья Верка. — Не хочет!

— Ну вот! — огорчился Коля. — Думал, по дороге про Сергея тебя расспрошу. Как он там?

— Сидит на больничном, — ответила я. — Грипп подцепил.

— Ну во-о-от, — огорчился Коля. — И как он, очень плохо?

— Да выздоравливает уже, — успокоила я. — Скоро на работу выйдет.

— Здорово! — обрадовался Коля. — Слушай, Грекочка, передай ему, пусть наберет мне, как будет посвободнее, есть проблемка прямо для него!

– Передам, – пообещала я.

– Ну ладно, – Коля полез за руль. – Здоровья вам обоим.

– И тебе не хворать! – Я помахала рукой и отправилась на остановку.

Сергей – мой... как бы это сказать... Если пафосно – любимый человек. Если приземленно и казенно – сожитель. Мы вместе уже два года, и Верка наладилась было называть его «твой муж». Но я так старательно каждый раз поправляла ее – «не муж, не муж...», что она стала говорить – «твой немуж».

Да, мой любимый не предлагает мне руки и сердца, не зовет, как говорится, «к алтарю». Почему? Не знаю. И не хочу выяснять. Мне хорошо и так.

С Сергеем нас столкнула судьба. Столкнула буквально, лбами...

В тот день я шла по аллее университетского парка, думая о чем-то своем. А навстречу мне, такой же самоуглубленный, шел Сергей. Как могли два человека, не слепых, не глухих, белым днем, на широкой аллее, столкнуться лбами – уму непостижимо! Но мы столкнулись. Не совсем лбами, потому что Сергей выше меня. Я ударила лбом о его подбородок, с меня слетели и разбились очки.

Несколько секунд мы стояли, ошеломленно глядя друг на друга и потирая ушибленные места. Потом одновременно стали сбивчиво извиняться, потом засмеялись. Сергей поднял мои очки, покрутил их в руках, сказал, что восста-

новлению они не подлежат, и что он считает своим долгом приобрести для меня новое оптическое устройство.

Большой нужды в этом не было, я вовсе не беспомощна без очков и вполне благополучно могла бы добраться домой, где у меня были запасные. Но отказываться я не стала, и мы пошли в «Оптику». Честно говоря, мне не хотелось сразу расставаться с этим парнем. У него было интересное лицо — худощавое, скуластое и большеротое, мне сразу захотелось его нарисовать. И еще... Я как-то сразу ощутила, что нравлюсь ему. Это ощущение было таким приятным, что я даже не слишком стеснялась, называя свое имя. И, похоже, мое имя тоже ему понравилось!

Правда, потом, когда мы начали встречаться, Сергей заявил, что Гретель — имя очень красивое, но холодноватое, и он будет звать меня Груней. И это единственное производное от моего имени, которое мне нравится.

Мы купили мне новые очки, и Сергей пошел меня провожать. Дальше события стали развиваться быстро. Мы стали встречаться, а потом и жить вместе.

К тому времени я уже жила одна. Моя мама и отчим дядя Саша уехали в районцентр Васино, где раньше жила тетка отчима. Она умерла и оставила в наследство дяде Саше дом с большим участком. Сначала отчим хотел дом продать, они с мамой съездили посмотреть на наследство. И им так понравился дом, сад и огород, что они решили переезжать. Они долго